

Четвртакъ

16. Марта 1844

Год. III.

Блаженной Сѣни.

Высокоблагородногъ Господина

ВАСИЛІЯ ЛАЗАРЕВИЃА,

ц. к. Маіора, Грађаноначалника Земунскогъ

Ассистенса Србско-народногъ Фонда,

преминувшегъ

20 фебр. 1844 у 68 год. свогъ дѣятелногъ живота.

Земунъ граде Србскій сааде!

Зашт' обузе тама тебе?

Какви тужни отуд' гласи?

Жалости таласи?!
—

Крозъ уздисай ахъ! дубокій,

Чуемъ туге одзвѣвъ Србскій:

„Насъ обузе зато тама.

„Брѣ нам' Славе нема!“
—

Неста Цару верна сына,

Неста Роду дичногъ крина;

Ахъ! и Земунъ губи Отца,

Свогъ Лазаревиѣ!
—

Лега ѣ зора тамо была,

И све Србе веселила

За три пуе десетине —

Док' бы Србско име!
—

Василіе дичный Србе,

Србинъ съ горкомъ тугомъ саде

Ахъ! ледено тѣло твое,

Црной земљи дав!

Да б' уліо срдца т' правду,

Кою сви грађани знаду,

Твою жарку любовь к' Роду

Богъ свакоме Србу! . . ?
—

Любеѣ Вѣру, Србско Име

Быо с' поносъ Роду свое:

Зато спомевъ Василія

У Србству нек' кля.
—

Поносъ дичный твогъ Имена,

Заслужуе тогъ спомена;

Народъ справля место нѣму

У свом' Пантеону. —
—

Ой Дунаве рѣко брза,

Носи Рода потокъ суза,

Носи наше уздисае,

У найдалѣ крае:
—

Нек' се сваког' срдца восне,

Майке Србске опомене:

Да нам' дае таке Србе,

Кон Родъ свой любе!
—

А ты драга райска Душе!

Баца погледъ на насъ свише;

Прійми любовь ахъ; сердечну,

Прійми хвалу вѣчну!
—

У Пешти

Милошъ.

ПРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗКОГЪ.

Царь обученъ као приватанъ човекъ ишао е проћи се по улицама Бечкіймъ; види неку девојчицу, гди плаче и носи подъ пазуомъ еданъ завежляй; запыта е; шта носи, кудъ иде и шта јој е причинило ту жалостъ; девојчица му рекне: да е нѣна мати у крайной нужди, дя нѣово послѣднѣ спасеніе состои се у неколико халфина, коѣ носи на продаю. О зашто ни е јоштъ живъ мой отаць, рекне, да е баремъ, кадъ е већъ толико пута проливао крвъ за отечество, и достойну награду за своѣ заслуге добыо! Царь безъ да е се дао познати, рекне јој, да царь по свой прилици ни е было извѣštenъ о нѣювой несрећи; да бы се онъ безъ сумнѣ попаштіо быо, ню ублажити, да су му поднели были прошеніе. Мы смо то чинили више пута, рекне му девојчица; и Господарь, когъ смо мы молили, казао намъ е увѣкъ, да онъ никакавъ одговоръ добыо ни е. Онъ васъ е преварио, рекне царь. Царь врло любви правду и не бы дао, да сирота удовица и кѣи едного чиновника пропадне поредъ отчине заслуге. Начините нову молбу, я ѣу е самъ однети; вы ми ю донесите на оно м оно место у двору, и ако е то све, што вы говорите, истина; ваша судба ѣе се наскоро променути. Онъ е учиніо више; да е небы пустіо безъ помоћи, запыта е, пошто она мысли продати те альине, и замоли е да прими сугубу цену, чекаюћи исходъ ствари. Тежко бы было описати радость, съ коіомъ е она отрчала къ својой матери, носѣћи јој те новце и преповедаюћи јој тай случай. По чертама, с' коима е она описала проя своѣ повѣсти, мати и другій нѣни роѣацы познаю цара. Девојка е на то сасвимъ изванъ себе; мысао, да е тако слободно говорила, бацы е у неку фелу очаянїя, и она се никако ни е могла преволети, да иде другій данъ у дворъ; нѣнъ родъ е тамо одведе, она е тамо приспѣла дрктаюћи, и видила е свога цара у свомъ благодѣтелю, и пала е у несвѣсть, и кадъ е дошла къ себи, царь, кой е пре еданъ данъ съ нѣомъ говорио, запыта е за име нѣногъ отца и регемента, кодъ коѣ е

онъ служио, и наставши да е точно све што му е она говорила, дао јој е найучтивіимъ начиномъ решеніе годишнѣ плате равне оной, кою е нѣнъ отаць уживао, тако, да половина припадне нѣюј у случаю смрти матери своѣ. Онъ е увераваше потомъ како му е жао, што ни е было пре извѣštenъ о нѣномъ станію, и после тогъ случая, установіо е еданъ данъ у недели, кадъ е свакомъ слободно было, с' нѣиме говорити.

у Новом-Саду

одъ Софіѣ Светићъ
Ученице.

ЦРНОГОРЦЫ.

Историческа повѣсть изъ найновіегъ времена
(Чески отъ Прокопа Хохолушека.)

Тихо е трептила надъ каменитомъ Црномом — горомъ тавна ноћъ, и увила е у покрывало своѣ слободну ону Славенску земљу. Црни облацы вїяли су се на хоризонту, и кадкадъ само су прїятно — блистаюће звезде на земљу провиривале. Месець помраченъ басао е отъ Балкана крозъ густе облаке просипаюћи по земљи слабо своѣ сакривено светило, при коме могли су се само најближи предмети разпознати.

Само онда, кадъ е изъ облака боязливо помоліо сїино своѣ лице, виѣшесе стремный каменитый первазъ Црнегоре, долине и тесни путови, кои одавде воде у равна поля Албаніе и Херцеговине: далеко севаше златни на мунарама полумесецы Турскогъ градиѣа Клобука, а около нѣга прозираше између зелены отъ листнаты граници сплетены сводова летни дворови богаты Турака, кои већма на градове, него ли на места веселя налице, кое Турчинъ налази у опиому и любви — любви Одаліске *)

Кадъ е месець изъ облака изступао, видила се два мужа идућа преко Граховскогъ поля ономъ стазомъ, коя води у плоснату земљу. Были су то прекрасни мужеви, отъ каковы Црна — гора сваке године

*) Одаліска — була Турска.

стотинама против Турчина шалѣ. Они су были не отвеъ высокогъ стаса; али крепкогъ состава, ктome окретни и весели; не друго, него идеалъ мужке лепоте. На широкомъ рамену ньювомъ няшесе дугачка шарра; у њемеру стаклила су се два пиштоля и еданъ анжаръ съ држалъемъ отъ слонове кости. Ништа неразговараюћи се иду они преко поляне путемъ водећимъ у дубоку долину, кое съ обадве стране узвысиле су се высоке стѣне: оне на Црногорской страни истина стрмене су, но опетъ зато приступне: ал' оне на Турской ображаваю гранитну видину.

„Садъ смо дакле ту Станко!“ рече еданъ отъ њи двоице, спутнику своме и стане: „држиш' ли се юшть твое намере?“

„Тако ми светлы очю Заидины!“ — отговори другій, „само ње еданъ отъ насъ ступити на Клобучко полѣ!“

„Дакле за посломъ!“ придода првый, „пре него побѣдителю умакне добаръ часъ, ты налево, а я надесно. Съ Богомъ!“

„Съ Богомъ Евреме!“

Разстанусе; Станко се пеня на левой, а Евремъ на десной страни тесногъ пута узъ стѣну горе.

„Евреме!“ — кликне Станко, и после неколико учинѣны коракляя, стане.

„Шта њешъ?“ запыта овай.

„Еданъ отъ насъ неѡе више овуда доле силазити! — вели Станко — него айде Евреме да се рукуемо!“

Овай садъ брзо опетъ сиѡе доле своме спутнику; они се рукую, и погледнувши юшть еданпутъ еданъ на другога искреннымъ окомъ, загрле се. Ни еданъ речцу не проговори; и иду опетъ горе.

Ветаръ ѡ меѡутимъ растерао облаке, и месець засветли у пуной сѡиности на небу. Облацы разпростирали су се надъ брдима и долинама преображаваюћи се овде у гигантске призраке, а онде чарателно ставляли су предъ очи стѣне отъ рубина, а градове отъ смарагда.

Съ гребена стрмены овы стѣна гледали су Евремъ и Станко дуго лепу ову и вели-

чественну игру природе; затимъ обрате очи свое на Клобучкъ.

„Заидо!“ уздана Евремъ.

„Звездо моя!“ кликне Станко.

„Ова звезда не изышла да теби светли“, — примѣти првый.

„То исто я мыслимъ о теби,“ отговори Станко.

„Юшть не почивала она на твоимъ грудма, юшть не трептила душа твоя у њномъ загрленю“ — изясни се живо Евремъ.

„Вашъ зато!“ уздана Станко. „Я самъ се заклео, да ѡу ти до гроба пріятель быти! — но ову заклетву — осеѡамъ веѡе — морамъ погазити, кадъ буду Заидине дражести око мое чарале; зато се мора еданъ отъ насъ уклонити. Преправимо се.“

„Я самъ готовъ!“ рече Евремъ, и скинувши съ рамена шарру, стаде прегледати ѡ. — Исто учини и Станко.

Садъ су, упревши еданъ на другога очи, полагаю корачали до края дубоке едне пеѡине тако, да ѡ само до тридесетъ коракка быо еданъ отъ другога удалѣнъ. У тайма претиснули пушке къ образу, и праска отъ два хитца орила се по равницы, и скакала отъ пеѡине до пеѡине по Црной — гори повторавана отъ многогласногъ ѡка. Станка тежка ранна, изъ кое ѡ потокомъ крвъ потекла, на землю сруши.

„Заръ ти се мое тана живота коснуло. Станко?“ запыта Евремъ,

„Никадъ више неѡу браниги Црну-гору, мило отечество мое, противъ неприятеля — добро си згодю,“ отговори Станко слабымъ гласомъ. — „Евреме, поздрави Занду!“

„Оѡу — а и ты ми поздрави такоѡеръ наше пріятель, што су погинули онда, кадъ смо кодъ Никшиѡа вѡили Турке — о ѡешъ ли?“

„Оѡу иѡ поздравити!“

„Какавъ желишъ погребъ?“

„Остави, о томе ѡе се Свештеникъ старати.“

„Желишъ ли юшть штогодъ?“ запыта Евремъ юшть еданпутъ.

„Ништа, остави ме самогъ. Иди съ Богомъ, и заступи у рату мое место, да Цр-

на — гора не изгуби войника,“ — шапта Станко све слабімъ гласомъ, и окрене се на другу страну.

„Съ Богомъ!“ опрости се Евремъ тихимъ, но тронеѣмъ гласомъ, и бацѣвши пушку на раме спушта се лагано доле. Станко тежко уздышуѣи, закопа руке у землю, и врело чело сакрые у росну траву.

Евремъ сишавши доле стане, и набіе наново пушку: и бацѣвши око іоштѣ еданпуть на оно место, гди се пріятель нѣговъ са смрѣу боріо, отре изъ юначкогъ ока рошеу сузу и похити у долину, па по равницы оде управо у Клобукъ.

Такавъ духъ влада у Црной — гори. Онъ дае додуше често поводъ многомъ крви проливаню, распалеѣи потомке онога, кои на мейдану падне, позива на крвну освету, кою сынъ отъ отца и унукъ отъ деда наслѣдуе тако дуго, докле годъ кривацъ или еданъ отъ нѣговы потомка то наслѣдіе неискупи са животоиъ своимъ. Но духъ е тай духъ витежкѣи, кои юнаке противъ Турчина шалѣ: ерѣ тако еданъ се біе за двоицу и за троицу, и протеравши Турке, повыче: „Два самъ Турска пса убіо за тебе Мію; ова крвѣ тече за тебе Иване; и едноме самъ главу за мене расцепо: — видите браћо да васѣ нисамъ осрамотіо, можете задовољни быти.

На нѣовомъ мейдану никаква злоба не господствуе, никаква желя освете; ерѣ позиваюѣи еданъ другога на мейданъ найпре се мораю помирити, па тако нишане мирно и пазљиво често на месту обадвоѣ мртви падну; доста пута догодисе, да еданъ илѣ другѣи после мейдана умре; то врло редко, да сѣ оногъ места, гди су се борили, неранѣни отиѣу; — ерѣ изключително оружіе на нѣовымъ мейданима употреблюю пушку, а сынови Црне — горе вешти су стрелцы; — и побѣдитель сѣ побѣѣнымъ противникомъ при растанку се опрости, и ели само овай тежко ранѣнъ тако, да може іоштѣ говорити; — то онай га пыта, жели ли што родбини поручити; побѣѣени пружи побѣдителю незлобну свою руку едва изговараюѣи „сѣ Богомъ!“ и напоследку моли га, да иза нѣ-

га противъ Турчина рагуе, да Црна-гора неизгуби юнака.

Овако су се опростили Евремъ и Станко. Были су они отъ давна пріятельи; у свакомъ предпріятію и опасности, были су неразлучни; у бою стаяше еданъ до другогъ, и тако случи се то, да су у последнѣмъ рагу ноѣу насрнули на куѣу Ахмета богатогъ Тарчина близу Клобука, и улове му кѣрѣ Заиду, — лѣну Заиду звану отъ Турака звезду даницу, восточну ружицу, Аллахову любимицу, Пророкову Хуріе, и да се Турцы ни су у томъ називаню варали, призна таки Евремъ и Станко, — ерѣ погледнувши на Заиду, таки запламтише.

Заиди се такоѣрѣ болѣ допадали ови млади крѣики юнацы, него отъ оиѣума и блуда изтрошена Турска лица. Но Станко таки опази, да е Заида Еврему више наклонѣна, и зависть се првѣи путь садѣ уселила у нѣгово нѣдро: алѣ зависть ова ніе дуго траяла; ерѣ Заидинъ отацъ навали у гору и кадѣ су случайно обоица отъ куѣе отишли, отведе кѣрѣ свою за харемъ Мостарскогъ Везира опредѣлену куѣи.

Кадѣ се куѣи повратише, и Станковъ братъ нѣима разложи, шта се догодило; пограбивши пушке на раме похѣте у Клобукъ садѣ, и сваку скоро ноѣ. Станко се овде помало уверавао, да любеѣи ніе любљѣнъ. Ревнованѣ и бола пуне прси нѣгове жедниле су за осветомъ, и онъ као слободанъ и наравни Црне-горе сынъ ніе знао обуздати угнѣтити свое страсти. Кадѣ е видіо синоѣ Заиду сѣ Евремомъ грлити се, намери тронутымъ срцемъ пушку на свога пріятеля натегнути; но анѣео сачува га отъ те грозне намере; и тако окрене леѣа и побегне у гору, пакъ данасѣ позва Еврема на мейданъ, — као што велаяше — да се пріятельство не прекине. — Свршетакъ мейдана веѣ намъ е познатѣ.

Навыкнутъ на стрмене стѣне свогъ отечества пенятисе, и сѣ едногъ камена на другѣи скакати, лагко се Евремъ попео на высокѣи зыдѣ, коимъ е обраѣена была Ахметова куѣа и башча, и отлетіо брзо кѣ до-

бро сачуваномъ харему. Прозори ове куће были су яко обрешечени и изнутра затворени; пласнатыи кровъ обрублѣнъ быо е высокомъ оградомъ, коя шетаюћимасе нѣ изгледъ заклоняла. Ови кровови есу обычна шеталишта Турски и уобште свою восточны Госпожа; ерѣ одавде невиђене све видити могу. На овогъ Харема терасси стаяла е женска една; окретность нѣна и округле черте издавале су младость и веселость, премда е лице нѣно было по восточномъ обычаю густымъ покрываломъ застрто. Наслонивша се на ту ограду пуна ожиданя, само при зуеню ветриѣа, при шуштению лишѣа, или кадѣ е птица у гнѣзду росу съ крыла стресала, прислушкивала е она, и блистаюће око свое на ону страну обраћала, съ кое се шушанъ чуо. Ал' чуе се малый еданъ лагкѣи Евремовы корака по трави шумъ — женска се већма преза пружаюћи вратъ свой преко ограде, — садѣ е неvara више слухъ. Евремъ изађе изъ честе, — она радостно плѣнесе са своимъ руками, и бацы покрывало съ лица преко главе. Бѣшъ е месецъ светило свое по нѣномъ образу разлио, а Евремъ плѣненъ лучама сыйногъ лица нѣногъ чисто укочисе. Заида любезно смешефисе мане рукомъ на драгогъ, да ѱой се приближи. Овай нѣ оклевао, него приступи къ едномъ кипрессу, бога вѣрѣ се наслањао на терассу. Хитрина и сигурность, съ коѱомъ се узѣ гладко дрво певяо, ясно су сведочиле, у колико му е познатъ овай путъ, кои га у храмъ любви вѣди.

(продужити ће се.)

Ученъ „ОТЧЕ НАША“

Дете едно често одъ свогъ Учителя приморавано буде „Отче нашъ“ учити. Еданпутъ при ученю разсрдисе Учитель яко, будући да дете више нѣ могло упамтити одъ „Отче нашъ, иже еси.“ Почне дакле разсрѣненъ Учитель изпрва „Отче нашъ“ а дете за нѣимъ, Отче нашъ. Садѣ кадѣ дете молитву и лекцию свою далѣ продужити нѣ знало, то ражлюбенъ Учитель о-

штро и яко повикне на дете; „Далѣ магаракъ!“ а детету одъ стра некако падну на паметь и друге две речи, пакъ дрктаюћи рекне „Иже еси.“

А. Н.

изъ Кенеза

РАЗЛИЧНИ СУ У ЖИВОТУ ЧАСОВИ

(одъ П. Стиѣа.)

У животу свакогъ човѣка есть макаръ како му драго една удица, око кое се нѣговъ случай верти, еданъ сатъ напасти — гдѣ се за изборъ између више слѣдства' нѣговъ умъ и законитость на огледъ ставля, гдѣ ако човѣкъ гласу свогъ правогъ свѣдочанства слѣдуе, и у нѣму чверсть остане, срећа нѣгова с' миромъ краснѣ цвати, и шта више, нѣгова трудность едно радостно управлянѣ задобыва; ако си пако таково правило къ сердцу не узме, ласно у забуну и противословіе падне, — чверста инди правила найвећма почитую и обгерлюю мужеви отлични, кои су велики они духови, кое вѣкомъ слѣдовати морамо, и о коима пунымъ и цѣлымъ правомъ рећи можесе, да су взори нашегъ народа; ербонѱови чини уцѣплюю души нашей велике слике човѣчѣ моћи, и излѣче многу ранну туровны часова', будући да чверство начело притяжаваю: Благо на рави слѣдую други, кои трудностию и зноемъ оно постану, што быти мораю, и ови се као лѣпый примѣръ на миленомъ Славѣ полю сматраги имаю, и премда се кадкадѣ часови нѣовогъ живота као морски валови буниду, ипакъ стое они као клисурине на стази праведности; ерѣ „праведныхъ стаза, — говори еданъ Краль стародавности, — сѣе као свѣтлость зоре, с' миромъ расте, докъ бѣлымъ даномъ постане; али стаза неправедныхъ есть ноћ, и они незнаду, гдѣ ћеду пасти.“ — Имаде далѣ таковыхъ у животу часова', гдѣ нѣки исто сладко име „домовина“ забациую, и то найболѣ своимъ чинми изяснок, будући да све оно, што е на корысть домовине, злоннымъ окомъ мотре — мравъ истый зноефисе и тежко дыхаюћи мало зернце на верхъ пол-

зе свое обштинне приноси — а горостаси (гиганти) намѣраваю и оно срушити, што други крававымъ зноемъ сазидаю — О туровни часови! не може човѣкъ цѣломе свѣту служити, него се мора найболѣ за оно бринути, што му є найближе, а да су то увѣкъ мужевии мудри различни народа радили, имамо доста примѣра у повѣстници; ние се заиста бринуо Кромвело, да помогне Турской, негѣ Французской; нити су юначни Сербљи лили краве свое зное за друго, него да стениу-ћой майцы Сербји, коя ий сладкимъ своимъ мѣкомъ одои, помогну. Имаде и таковы у животу часова, гдѣ предсуде весма владаю; сваки само свое почитуе, свое любви, людско пакъ загазуе, заметава, потрпава; али пытамо: али є то право? али небы сваки оногѣ осудио, кои бы реко ништа друго неваля, него што Французи, и Енглези производе, Самии Грецы и Римляни быяху вѣдний народъ, — найболѣ є дакле, да сваки свое задержи. а у людско недира; єрбо єдно исто растѣнїе, кое є у сва вѣмена цвало и садъ цвати, негѣ у свакой держави и при свакомъ народу у другой сподобости и изкићеню, несили паметногѣ човѣка, да противу тогѣ, Богъ зна, какове предсуде, гои. — Човѣкъ се по свѣту, за свѣтъ, и нѣговъ властитый случай изображуе; одъ свѣта узима мнѣнїя, обычае, предлаганя, начинъ, надежде, изгледе, страхъ, и многа друга, коя, ако мудро употребыги знаде, єдно другомъ мѣкъ донесе тако, да што годъ човѣкъ невѣдногѣ притяжава, то се гонити мора одъ нѣга, и добро само, кое остае „нѣговъ значай рѣши, нѣга задовољногѣ чини, и све више и више к' слави нуди: гдѣ се пако такова слава вѣма заслужити и стећи може, него кодъ свогѣ народа, когѣ, да вѣкомъ любити, и за нѣга се бринути морамо, иста наравъ свакогѣ нуди: єрбо се вели; *Naturam expellas furca licet usque redibit.* —

МУДРА ИЗРЕЧЕНІЯ.

Што се бринешъ друже? Сутрашній данъ разреши ће и умягшати бригу твою.

Терпѣнїе, разумъ и време, красне су ствари на земљи; што се данасъ немогућно видило, може сутра могућно бити.

Опредѣленїе човека. — Што є красно, любити; найболѣму се надати; добро творити, то є велико опредѣленїе човека.

Признацы єдне велике душе, єсу праведна и искрена воля, разсудљива бодрость и берза ревность што є добро произвести.

О да бы се увекъ зеленило красно време младе любви.

Чимъ се може срећа и достоинство дуго време задржати? Ни съ чимъ тако, као са учтивостию.

Они, кои предъ своимъ старимъ пузе, они су по правилу Турани спроби свои подчинѣны или мѣши; єрбо тко съ благородномъ достодужностию великимъ почитанїе отдае, не ће никадъ заборавити шта є онъ своимъ мѣшимъ дужанъ.

Тко свои современика почитанїя ненастои заслужити, ние ихъ ни вреданъ.

Ако те срећа приласкава, а ты помисли на нѣно непостоянство: покаже ли ти обаче она тамный видъ, а ты се съ бодростию вооружай.

Надежда ошибава, желанїя вараю, видъ не дае што обриче; зато прїятелище учи се задовољна бити, пакъ не ћешъ ни желанїя ни надежде требовати.

Надежда є зора радости, а опоминяѣ нѣно сумрачїе.

Срећа не стои у человеческой власти, али му є дато, да може среће вреданъ и достоинъ бити.

Мудрость се у несрећи искушава, смиренумудрїе у срећи, терпѣнїе у нужди а богатство по смерти.

У срећи можемо се велики показати, а возвышенїи само у несрећи.

Тко поштено живи, живїо є, ако є рано умро. више столѣтїя.

Нема ни за кога лепы предѣла, ако ние у предѣлу сердца нѣговогѣ ясно и чисто.

Сам. М.

Д О П И С Ъ.

Изъ Сегедина, 13 марта. Како Тиса, тако и Моришъ рѣке данъ на данъ верло расту; кое ако подуже потрае, безъ сумнѣ новий Сегединскій хатаръ неће отъ воде иранъ остати, кое бы занста великуштету нанело. Долме (насопи) се на све стране поправляю. Рыболовцы сви су морали кући подолазити; ербо се вода по рытовы разлила па и рыба у рытове е ушла; зато она се садъ по добру цену на балубжиницы и продае; што е нема башъ сувише. Ктому снега и кише свакий данъ довольно; блата и одвише; и тако су се путовни разблатили, да коньи едва и праздна кола вући могу, а камо ли да се странний кон човекъ устан съ пунымъ колма на седмичный вашаръ овамо доћи. Раана е засадъ при одной и истой ценн, само што е мало ечамъ и зобъ поскупила: тако е ечамъ 3 фор., а зобъ 3 фор. и 30 кр. меровъ; а аковъ ракіе комовнице 20 фор. лошіе 18 фор., житарице 15 до 16 фор., вина пакъ ланьскогъ 5 до 6 фор. у шайну.

Истымъ путемъ являемъ вамъ, да е овы дана една овдешня Маѣарица, коя съ платномъ тергуе, дошла у еданъ дуѣавъ да промене банку одъ 100 форинтій, кою е есенасъ у Араду на вашару бывша одъ едногъ изъ Ерделя за Снаю издаваюћегсе Господина примила: но како се сирота упрести, кадъ іой Дуѣавъ, добро банку промотривши, рече, да е банка фаллична, кою таки по всевысочайшимъ уредбама и предаду, да се инвестігара.

Далѣ являемъ Вамъ, дае нашъ Племенитый Магістратъ лену уредбу ради Просіяка, кои су досадъ одъ куће до куће ишли и просили, учинію, т. е. наредію е одну публичну кассу, у кою ће нашъ Публикумъ свакий по своме могућству на годѣну давати, и тако ће се после Просіяцыма изъ исте кассе делити; да више не иду одъ куће до куће, и кадъ гди годъ никога при дому одъ домаѣи ненаѣу, а кою стваръ не затворену усмотре, да е немогу потайно однети, сакрити и продати.

Г Л.

П У Т Ъ П О С В Е Т У.

Год. 1830 броило се е на Свету одъ прилике 80.000 родова быль, и 100.000 родова животыня.

Езыка има на земли 860, а нарѣчія 5000. Одъ овогъ дивногъ числа языка долази на Азію 153, Европу 53, Африку 115, Аустралию 117, а на Америку 422.

Лондонъ притяжава 900. книгопродавница, одъ кои Лонгманова сваке године неколико милиона свезкій прода, а за сама обявленія одъ прилике еданъ миллионъ франка плаћа.

На Авали кодъ Београда налазу се развалине неке готическе вароши, кое е еданпутъ еданъ путъ походію.

Ватіканъ у Риму najveћа е палата у Европи и состои се изъ 11.000 соба.

У Генѣу притяжава, де Кандоль, najveће собрание быль, кое е кадъ годъ учинію, и кое 58.000 родова брон. (По Балбію).

У Французской изышао е г. 1838 еданъ разписъ на све Ректоре Академіа, да се наука живы языка особито немецкогъ и англискогъ основано предае. Тако се дакле види Французска првомъ државомъ быти, коя окове ломн, у коимъ већ хіляду година оно мало римскіи Классікера читаво изображеніе Европе оковано држаше, читаве године губи цела европейска младежъ, да бы одломке, одъ 6—7 римскій Стихотвораца и Витіа превести научила, дочимъ іой много већа масса найизабраніи утворенія сосѣдны народа непозната остае. Латинскій и Грчкій языкъ не садъ више ни языкъ учены людіи; ербо najveћи духови садашности имаю довольно поноса и любви къ свомъ народу, да у свомъ матернѣмъ языку, а не у туѣимъ мртвымъ гласовыма пишу. Ображеніе не садъ више Монополь едногъ малогъ преко све Европе разсеяногъ, и средствомъ едногъ тайногъ языка скопчаногъ дружства учены людіи; него е притяжаніе, украсъ и часть плодоносногъ богатства свію народа. (Fränzl's Statistif)*

*Шта дакле да рекнемо мы за наша выша Заведенія, гди се науке у Сербскомъ языку, као што бы требало, не предаю? Шта да рекнемо на уведеніе странногъ языка у наша нижа училишта; почемъ се у вышнимъ осимъ тога већ и предае, или предавати мора? Не бы ли и мы нашу народность болѣ сохранили, разширили и утврдили, кадъ бы сви се сложили, жертве давали, народный Соборъ умолили, наше Великаше пробудили, и Србскій языкъ у выша заведенія завели? Я мыслимъ бы. И кадъ е Французска довольно снаге имала, да се латинскіи Классікера опрости, шта да рекнемо за Хорвате и Далматыне, кои оныма 5—6 Дубровчанима силомъ слѣдую, и единако пишу *parst, tärn, särke*, и пр. а одъ живогъ и чистогъ се языка србскогъ удалю. Мы Србльи срушисмо отдавно окове Старославенскогъ языка, и пишемо свакий данъ чистіе, не само како нашъ народъ по већой части садъ говори, него како правильно и говорити треба. А Хорвати и „Далматинска Зора“ налазе све единако неку особнгу сласть и красоту употреблявати за любовь неколико Дубровчана мѣстне речи, кое се осимъ Далмаціе нигде или врло тежко разумеваю, и онакове речи, кое су подъ втеченіемъ талиан-

ТРГОВАЧКЕ ВЪСТИ.

Пешта, 22. Марта п. р. Свршеный Тосифскій Вашаръ не быо башъ отъ особите живости. Продаваца было е довольно, али купаца не было подпуно. Памучне, вунене, ланене и свилене робе и петъ е пута више на вашару было, него што се потребовало. Цѣна у Сребру земальски производа была е на овомъ вашару слѣдуюћа; — Една Цента стице беле 7 фор., онайзи 10 — 18 фор. антимоѿна, Розенавскогъ 12 — 12 фор. и 30 кр., Липтавскогъ 10 фор. и 30 кр. — 11 фор., — еданъ аковъ ракие, житарице 20 степ. 4 — 5 фор., комовице 5 — 6 фор. и 24 кр. шльивовице Банатске 8 — 18. фор., Сремске 8 — 12 фор. и 15 кр. — една цента перя, за постелю неочешляногъ 20 — 70 фор., очешляногъ 30 — 90 фор., отъ гушчиѿа 90 — 160 фор., — еданъ пааръ кожа, телеѿин 2 — 5 фор. овчин 1 фор. и 36 кр. — 2 фор., ягнѿѿин 1 фор., кози 24 — 36 кр., сто комадѿи жечѿи кожица 23 — 32 фор. — еданъ Пожунскѿи меровъ раане, жита Унгарскогъ 1 фор. и 12 кр. — 1 фор. и 52 кр. наполице 56 кр. — 1 фор. и 2 кр. ражи 56 кр. — 1 фор. и 4 кр. ечма 38 — 50. кр., зоби 35 — 40 кр., кукуруза 56 кр. — 1 фор. и 4 кр.; — една цента вигова (длака) коньскѿи варены у чольке уплетены 36 — 43 фор., сировы дугачки 60 — 68 фор., кратки 30 — 35 фор.; труля (крпа,) ординарны 1 фор. и 36 кр. — 3 фор. и 30 кр., больи 4 — 8 фор.; — коноплѿ, Апатинске огребене 18 — 36 фор. неогребене 8 — 11 фор. и 36. кр., — еданъ пааръ кожа, воловски 20 — 25 фор. и 36. кр., кравин 12 — 16 фор. и 42. кр., коньски 7 фор. и 36. кр. — 8 фор. и 48 кр., ярчин 3 — 5 фор.; — една цента меда, Банатскогъ белогъ процеѿеногъ 18 — 19 фор. жутогъ 15 фор., прикастогъ 12 — 14 фор., Розенавскогъ 19 — 20 фор.; — сто комадѿи рогова, еленскѿи 32 — 38 фор. воловски 20 — 28 фор.

скогъ езика, или по собственомъ несреѿномъ кованю, немотрѿи на коренъ, скроене. Тако н. п. пишу човикъ, кое одъ челоуѿкъ долази, дакле челоуѿкъ (съ Доснѿеомъ) или човѿкъ, човекъ; ланцунъ, талианскѿи lenzuolo; понештра, finestra; а еръ Paria, у место воздухъ или зракъ; овни: diefe у место, овай diefer, ликаръ Waftmacher у место: лекаръ Arzt, пржина, у место песакъ, а и Чехи веле pſeſ, дакле е чистѿе песакъ; прешно, тал. presto, у место нагло, диклиця, лювено, пламъ, беневреке (овому я заиста не знамъ подрекло), харностъ, и пр. и пр. и пр. Хорвати и Далматини дакле, нека неслѣду ю безусловно Гунд. лиѿу и прочимъ Дубровчаномъ, кои су при свой нѿовой слави юштъ далеко одъ езиковсвогъ совршенства; него нека вмъ само у добромъ подражую, и у колико се

быводски 25 — 30 фор. кравин 9 — 12 фор.; а папка 36 — 48 кр.; — една цента олая реничиногъ отъ двѿегъ семена 11 фор. и 40 кр. отъ питомогъ семена 12 фор. и 15 кр. — 12 фор. и 45 кр. рафѿинираногъ 13 фор. и 30 кр. — 14 фор. и 45 кр. ланеногъ 15 — 17 фор.; паприке 18 — 22 фор.; поташе, Унгарске беле 11 фор. — 11 фор. и 15 кр. плаве ординарне 9 фор. и 45 кр., — 9 фор. и 45 кр.; — одна цента вуне, овчѿе првострижне ѿинне 85 — 92 фор. среднѿ 56 — 78 фор. ординарне 36 — 48 фор.; вторострижне зимне ѿинне 52 — 55 фор. среднѿ. 40 — 50 фор. ординарне 26 — 38 фор.; а лѿтне ѿинне 50 — 55 фор., ординарне 24 — 38 фор., ягнѿѿѿе 40 — 100 фор. съ кожа 40 — 80 фор., а за Гербере 26 — 52 фор.; — одна цента масти, говеѿѿе 26 — 28 фор. свинеѿѿе 14 фор. и 45 кр. — 16 фор. и 48 кр.; славине 12 — 12 фор. и 48 кр.; сапуна, Сегединскогъ 10 фор. 48 кр. — 11 фор. 36 кр. ординарногъ црногъ 13 — 13 фор. 12 кр.; — една цента дувана. Дебреногъ 1-ве сорте 16 — 20 фор., 2-ге сорте 9 — 13 фор. 3-ѿе сорте 6 — 8 фор. Печуйскогъ 1-ве сорте 9 фор., 2-ге сорте 7 фор.; 3-ѿе сорте 5 фор.; Потѿски листова 12 — 16 фор. воска жутогъ Розенаускогъ 82 — 86 фор.; — еданъ анталъ вѿина, Токайскогъ Аусбруха 100 фор.; еданъ аковъ, Минешскогъ Аусбруха 20 — 100 фор., Будимскогъ црвеногъ старогъ 3 — 12 фор. Будимскогъ белогъ старогъ 3 фор. 30 кр. — 8 фор., планинскогъ белогъ и црвеногъ старогъ 4 — 15 фор. равнинскогъ белогъ и црвеногъ 2 — 3 фор.; — одна цента виновогъ камена, белогъ наравногъ 14 — 16 фор. црвеногъ наравногъ 12. фор. 30 кр. — 13 фор. 30 кр.; сувы Шльива 6. — 6 фор. 40 кр.

ђуръ, 17. Марта п. р. На послѣднѿмъ раане вашару была е раана евтѿиѿа. Увози раане чинисе као да су у пролеѿе чешѿи были. Селяцы су отворили нѿове кошеве и зимнице, гдѿ су свою раану преко зиме хранили, пакъ су на вашаръ и преко него довозили. Особито ечма было е много довежено. Цѣна была е слѣдуюћа; еданъ Пож. мер. жита 2 фор. и 30 кр. 3 и до 4 фор.; наполице 2 фор. 6 кр. — 2 фор. 40 кр.; ражи 2 фор. 6 кр. — 2 фор. 12 кр.; ечма 1 фор. 30 кр. — 1 фор. 42 кр.; зоби 1 фор. 30 кр. 1 фор. 45 кр.; кукуруза 2 фор. 24 кр. — 2 фор. 36 кр.; пасуля 4 фор. 15 кр. — 4 фор. и 30 кр. у шайну.

нынѿ кнѿжественый езикъ, са чистымъ облагороѿенымъ Сербскимъ езикомъ слаже, иначе не сотворише еданъ единый кнѿжеванъ езыкъ за све Югославене, нигда ни до вѿка.

А. А.